

На правах рукописи

ГУЩИН Эдуард Николаевич

**ОБРАЗЫ ПРЕСТУПНИКА И КРИМИНАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ
В КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ**

24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород – 2019

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии, науковедения
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Научный консультант

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии, науковедения ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Официальные оппоненты

Рожковский Виталий Борисович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел РФ»

Чернышенко Василий Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

Ведущая организация

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», кафедра философии и культурологии

Защита состоится 28 июня 2019 г. в 15.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам на базе НИУ «БелГУ» (308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г. и размещен на сайте НИУ «БелГУ» (<http://www.bsu.edu.ru>) и на сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>).

Врио ученого секретаря
диссертационного совета
доктор философских наук

Т.И. Липич

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется необходимостью осмысления социокультурной природы преступности и криминальных практик, сопровождающих человечество на всех этапах развития мировой культуры, а представителей криминального мира в качестве отдельной субкультуры, чаще всего противостоящей доминирующей, системной культуре.

В современном обществе присутствует тенденция размывания границ прежних, устойчивых моральных ценностей и ориентаций на личность, её потребности, что влечёт за собой неуловимое изменение отношения к преступности, миграцию понятия «преступление». Открытые громкие судебные процессы последних лет и европейские юридические практики обнаруживают парадоксальные казусы, с которыми человечество вынуждено соглашаться. Например, современное общество отказывается от традиционных мер наказания (смертная казнь), пресечения и профилактики преступности, находясь в поиске «гуманных и толерантных мер» воздействия на преступника.

Многое свидетельствует о глубоких ментальных и культурных трансформациях, направленных не на изоляцию и перевоспитание преступника, а на включение представителей криминала в обычное общество без попытки изменить (исправить) его личность. Известны примеры, когда такой культурный процесс лишь создаёт видимость гуманности, которая распространяется лишь на самого преступника, но ущемляет интересы всего общества и других людей либо полностью дегуманизирует ситуацию (лишение родительских прав в рамках «ювенальной юстиции» за стандартное наказание ребёнка, который становится сиротой при живых родителях). Настораживает и проникновение криминальной ценностей в массовую культуру, что особенно проявилось в постсоветской России, когда происходила маргинализация культурных проектов, литературы и искусства.

На сегодняшний день важно проследить всё многообразие выражения преступных субкультур, их культурную трансформацию в различных обществах: европейской традиционалистской культуре, в обществе модерна и индустриальном мире, связанном с капиталом и практиками быстрого изменения моральных норм. Необходимо определить границы криминальной субкультуры, которая может маскировать себя под любые культурные формы, обозначить культурный код криминалитета, который активно цитирует современная массовая культура, исследовать причины такого заимствования.

Таким образом, актуальность темы диссертации вытекает из недостаточного исследования культурно-исторического генезиса криминальной субкультуры, их многообразия в традиционном обществе; специфики формирования личностной идентичности и жизненных стратегий преступника в современной социокультурной динамике.

Степень научной разработанности темы. В своё время ряд философов, писателей, общественных деятелей древности и современности высказывались по таким вопросам, как преступность и общество, причины преступления, личность преступника. Можно назвать авторов различных концепций и этических представлений в этой предметной области: Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, М. Лютер, Т. Мор, Т. Кампанелла, Э.Г. Морелли, Ж. Мелье, Ш. Монтескьё, Ф. Вольтер, Ч. Беккариа, А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн, А.Н. Радищев, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и многие другие.

Разработка проблемы криминальной субкультуры началась в русле социологии и криминологии, как социальная и юридическая проблема: внимание исследователей привлекали такие вопросы, как причины роста преступности, природа преступления, личность преступника. Но, пожалуй, впервые попытался строго научно исследовать преступные сообщества и феномен преступности социолог Г. Тард: он классифицировал преступников и выделил городской и деревенский типы преступника, различая морское и сухопутное разбойничество, описал жизнь итальянской мафии и других преступных сообществ. С ним вёл полемику другой классик социологии Э. Дюркгейм, а также криминолог Ч. Ламброзо. Преступность, преступление и преступник как объекты, входящие в эпистемологическое поле социологии, психологии, юриспруденции, проблемы юридической антропологии и антропологии права представлены работами таких зарубежных и отечественных авторов, как Р. Норбер, Е.А. Агафонова, В.В. Волков, Н. Рулан, А.И. Ковлер, Д.Ю. Некрасов, Н.И. Новикова, В.А. Тишков, В.С. Дробышевский, А.Ф. Калинин, Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Черноков, А.Г. Кузнецов, В.Н. Ярская-Смирнова, А.А. Васильев, Е. Финешин, О.Р. Гулина, Н.С. Пилюгина и многие другие.

Проблемами девиантного поведения различных групп, имеющими значение и для понимания феноменов преступности, занимались такие отечественные авторы, как А.Ю. Аршавский, Е.Б. Балашов, В.В. Бахарев, А.Я. Виякс, С.В. Волкова, В.К. Катушонок, И.П. Башкатов, Н.С. Данакин, Ю.А. Васильев, В.А. Васильева, С.А. Заврашин, О.В. Лапина,

В.Ф. Пирожков, Г.О. Петрова, Т.С. Сулимова, Т.Г. Татидивинова, Е.А. Глебова и другие.

Криминальная субкультура фактически не изучалась в дисциплинарном пространстве философии и культурологии, так как исследование самих субкультур в полной мере стало осуществляться лишь в XX веке за рубежом и с 70-х годов в России. Собственно субкультурные феномены начали исследоваться на Западе в связи с «молодежной революцией» 60/70-х годов прошлого столетия в трудах Д. Аусубеля, Р. Бергиуса, Г. Гризе, К. Дэвиса, К. Кенистона, В. Леонарда, М. Мид, Р. Мууса, Ф. Найдгардта, Ч. Рейча, Т. Роззака, Л. Розенмайера, Ф. Тенбрукаа, Д. Френч, Е. Хурлока, Г. Шельского, С. Эйзенштадта и других.

В проблемном поле отечественной теории субкультур можно выделить работы таких исследователей, как С.В. Алещенок, С.М. Артюхов, В.П. Бабинцев, А.М. Байчоров, В.А. Бобахо, В.Н. Боряз, В.М. Быков, А.П. Герасименко, А.С. Грачев, Ю.Н. Давыдов, А.С. Запесоцкий, А.Н. Ильин, И.М. Ильинский, С.М. Климова, Е.И. Косенко, И.С. Кон, Е.Л. Левашова, С.И. Левикова, В.А. Луков, А.Л. Маршак, В.В. Молчанов, К.Г. Мяло, Е.Л. Омельченко, Ю.В. Осокина, О.Н. Римская, В.П. Римский, И.Б. Роднянская, К.Б. Соколова, М.Х. Титма, Т.Б. Щепанская и другие. Маргинальность и маргинальные субкультуры исследованы в работах Э. Парка, Э. Хьюза, Т. Шибутани, С.Л. Скорынина, Л.И. Кемалова, Ю.Д. Парунова, И.М. Прибыткова, Д.С. Жукова, С.К. Лямина, А.В. Пестрикова, И.В. Могдалева, С.П. Гурина, О.Н. Галсанамжилова и других.

Криминальная субкультура не была сразу «распознана» гуманитарными науками как явление культуры и до сих пор мало исследуется собственно философами. Тюремную и криминальную субкультуру исследовали Ю.К. Александров, С.Ш. Арасланов, Ю.М. Антонян, В.А. Верещагин, В.В. Гаврилюк, Д.Г. Донских, Г.Б. Калманов, И.В. Костерина, И.В. Лысак, А.Н. Олейник, В.Ф. Пирожков, В.А. Радзиевский, А.А. Тайбаков, Н.В. Тищенко, И.В. Туровский, Н.Д. Узлов, Л.И. Фролова, Ю.Ю. Черкасова, В.В. Шемякина, Т.Б. Щепанская и другие. Философские проблемы преступления представлены работами И. Мамедгасан-оглы Рагимова, Э.А. Позднякова и некоторых других. Насилие, экстремизм и терроризм в их криминальном измерении получили философскую категоризацию в работах А.В. Артюха, С.Н. Борисова, С.В. Резника и других белгородских авторов.

Лишь в последнее время стала утверждаться точка зрения, что феномены субкультурности (в том числе и преступные субкультуры) не

являются продуктом лишь общества модерна, но субкультурная стратификация имела место и в исторической динамике культурно-цивилизационных систем. Поэтому, несмотря на большое количество работ, посвящённых теме преступности и преступных сообществ, назрела необходимость философско-культурологического осмысления криминальной субкультуры в различные исторические периоды и в разных цивилизационных условиях (в античном, средневековом, модернистском и постсовременном мире).

Объект диссертационного исследования: *преступность как исторический культурно-цивилизационный феномен.*

Предметом исследования являются *механизмы развития и практики презентации преступника и криминальной субкультуры в историческом и социокультурном контексте.*

Цель диссертационной работы: *реконструкция и описание культурно-исторического генезиса, образов преступника и эволюции преступных субкультур в традиционном обществе и современной социокультурной динамике.*

Задачи диссертационного исследования:

- философско-культурологическое определение феномена «преступник» и интерпретация культурно-исторического генезиса преступных субкультур;
- описание культурно-антропологических образов преступника и преступных сообществ в Древнем мире;
- реконструкция образов преступника и преступных субкультур в христианском Средневековье;
- исследование социокультурного генезиса и транзита криминальных субкультур в классической индустриальной цивилизации Европы;
- выявление специфики поведения, практик и стратегий преступника в постсовременных криминальных субкультурах.

Теоретико-методологические основы исследования. Сложность изучаемой культурно-исторической предметности потребовала использования сравнительно-исторического и культурно-антропологического методов, опоры на герменевтическое прочтение культурных текстов и символов. В понимании криминальных субкультур мы исходили из деятельностной и аксиологической трактовки культуры в их единстве.

В изложении материала и построении логики исследования мы отталкивались от таких принципов диалектики, как единство исторического и логического, единичного, особенного и конкретно-всеобщего, основывались на системной методологии.

В методологические и философско-теоретические основания диссертации легли труды классиков философии, культурологии и других социально-гуманитарных наук, работы современных авторов.

Научная новизна исследования:

– философско-культурологическое понимание преступности показало, что понятие «субкультура» эпистемологически эффективно и применимо в исследовании культурно-исторической динамики и эволюции преступности и криминальных сообществ, как «скрывающегося» явления социокультурной реальности;

– описание культурно-антропологических образов преступника и преступных сообществ в Древнем мире делает возможным утверждать, что феномен преступника и криминальных субкультур в Античности складывался под давлением синкретических культурных практик первичных классовых обществ, занимающихся профилактикой изгнания преступивших закон людей, отличных от основного полисного большинства («многих»);

– реконструкция образов преступника и преступных субкультур в христианском Средневековье позволила установить, что здесь реализуется аксиологическое отношение к преступности и криминальной субкультуре в координатах «искупления греха», но этические императивы оценки преступности не были устойчивыми и самосознательными даже под давлением господствующей христианской морали;

– исследование образов преступника и социокультурного транзита криминальных субкультур в классической индустриальной цивилизации привело к новому пониманию того факта, что в культуре модерна сопрягаются криминальная и интеллектуальная субкультуры, которые в своеобразном симбиозе одинаково стремятся к лидерским позициям во власти и статусным позициям, постоянно игнорируя закон и права гражданского общества;

– выявление специфики преступного поведения человека в постсовременных криминальных субкультурах дало новое прочтение глубоких ментальных и культурных трансформаций, направленных не на изоляцию преступника, а на включение представителя криминальной субкультуры в обычное общество без попытки изменить (исправить) его личность, что лишь создает видимость гуманности и ущемляет интересы всего общества.

Положения на защиту:

1. Мы считаем понятие «криминальная субкультура» эффективным в понимании специфики преступности и её феноменологии в конкретно-исторических культурно-цивилизационных системах, в которых она возникает и существует на правах *антисистемы*. При таком понимании

криминальная субкультура выступает в качестве *контркультуры*, поскольку представители криминалитета, как правило, противопоставляют себя обществу (хотя могут и разделять ценности доминирующей культуры), формируют антисистемные, чаще всего организованные сообщества, действующие против установившегося порядка и закона, что подтверждают многовековые практики существования криминала в разных обществах и государствах. Понятие «криминальная субкультура» позволяет реконструировать *образы (модели) преступника* через описание феноменов преступности в различных культурно-исторической эпохах и цивилизациях.

2. Интерпретация античных мифов и их литературных версий показала, что образы преступника и протокриминальная субкультура присутствуют уже в архаических культурах. Реакция древних обществ на преступление и практики изгнания преступников за пределы «общества» порождают организацию архаичных преступных сообществ. Здесь имели место образ преступника-героя и сакрализация преступности, которая исправлялась через сложные обряды и ритуалы очищения, но «безболезненное» проходила в криминальных сообществах, где преступник жил среди «своих» обычной для себя жизнью, не замечая личной инаковости, так как менялась экзистенциальная «система координат» культурной среды. Криминальная субкультура прошлого сформировала устойчивые первичные архетипы и социокоды: героизация и оправдание преступников и преступлений; жертвенная репрезентация и самопрезентация преступника; ложные и мнимые смысложизненные стратегии; псевдоромантический ореол преступника; антисистемное поведение в социальной среде; квазикультурная символика; и т.п.

3. В Средневековье, как и в греко-римской Древности, в образах преступника сохраняется сакральная героизация, хотя она уже трактуется иначе в связи с христианским пониманием «греха». Несмотря на ясно выраженную позицию христианской практической идеологии в отношении преступлений, средневековый человек оправдывал чужие страдания и смерть, использовал библейские образы в легитимации преступлений. Организованная преступность Средневековья и криминальные сообщества проникали во все поры общества и властные структуры, выражали классовые и групповые конфликты в преступном насилии (грабежи, войны, заговоры и т.п.). Криминальной субкультуре Средневековья присуща символическая и функциональная *амбивалентность*: сочетание смеха с циничностью; веселье на фоне преступления и преступление на фоне веселья; осуждение и сострадательное отношение к преступнику; размывание закона и справедливости; двойственность в понимании греха и правды.

4. В эпоху Возрождения, Реформации и раннего Нового времени в условиях первоначального накопления капитала и процессов первичной секуляризации постепенно расплывается в своих границах понятие греха. Литература европейского Возрождения изобилует криминальными сюжетами и образами преступников. Здесь впервые после долгого перерыва (Древний Рим и реальные преступления ради развлечения и досуга на аренах цирков), наступает практика иллюзорного воссоздания преступления в искусстве для развлечения «масс». XX век открыл новые механизмы вхождения криминала в интеллектуальные круги и во власть в силу возросшей доступности образования, формирования новых форм символической власти, информационного и мифологического манипулирования сознанием и т.п.

5. Человек в XX веке «бежал» от свободы в «уютность тоталитаризма», ценность свободы к его концу заменяется ценностью власти, криминализированной и эфемерной, властью бюрократии, сросшейся с криминалом. Поздний капитализм и постмодерн меняет ценностную систему и вектор развития криминальных субкультур. Криминальные сообщества постмодерна выстраиваются на сетевых принципах *подвижной иерархии*, сочетая «вертикальную» центрированность и «горизонтальную» динамику. Криминальные субкультуры включают в себя различные «мигрирующие» группы людей, размывая социальные границы и статусы. К концу XX века криминальные ценности проникают и в массовую, и в элитарную культуру, маргинализируют искусство, часто претендуя на доминирующее положение (особенно ярко этот процесс был представлен в России девяностых годов прошлого века).

Теоретическая значимость обоснована тем, что в исследовании представлены основные механизмы генезиса и репрезентации криминальной субкультуры, что полнее раскрывает сущность этого феномена в историческом, социальном и культурном аспектах. Это позволяет уточнить теорию субкультурных групп, определить границы понятий «криминал», «преступление», «преступник», способствовать выработке эффективных культурных воздействий на явление преступного мира в современном обществе, формированию иммунитета общества по отношению к криминальным ценностям.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы могут быть положены в основу курсов высшей школы для различных направлений подготовки («Философия», «Философия права», «Культурология», «История политических и правовых учений», «Теория государства и права», «Юридическая психология», «История государства и права зарубежных стран», «История отечественного

государства и права» и т.д.). Новые положения и выводы позволят улучшить методологию выработки и реализации проектов профилактики правонарушений, в том числе в молодёжных сообществах.

Личный вклад автора диссертационной работы состоит в философско-культурологическом обосновании методологического потенциала понятия «криминальная субкультура», в реконструкции амбивалентных образов преступника и динамики в эволюции преступных сообществ в различных культурно-цивилизационных системах. Обосновано авторское понимание специфики криминальных антропологических феноменов и сообществ в мире классического модерна и в постмодерне. Личный вклад проявился в определении задач, целей и принципов исследования, формулировке новизны и положений, выносимых на защиту, подготовке научных публикаций, отражающих ход и результаты исследования, в обосновании и авторском понимании применяемых методов.

Апробация результатов исследования. Автор изложил основные результаты исследования в выступлениях на научных конференциях разного уровня, в том числе: VI Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире» (Белгород, апрель 2011); VII Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: Свобода и творчество в современном мире» (Белгород, апрель 2012); VIII Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: Социально-антропологический кризис современной культуры» (Белгород, апрель 2013); Международная научная конференция «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (21 апреля 2016 г., Ростов-на-Дону – 25-26 апреля 2016 г. Белгород); Всероссийская научно-практическая конференция «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, февраля 2016); Международная научная конференция «Субъективное и объективное в историческом процессе» (Донецк, апрель 2017) и другие.

По теме диссертационного исследования автором опубликовано 12 научных работ общим объемом 4,7 п.л. (в том числе 3 статьи в журналах из списка ВАК РФ).

Диссертационная работа обсуждена на заседаниях кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав по три параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** актуализирована предметная область диссертации, проблематизирована научная разработанность тематики, обоснованы объект, предмет, цель и задачи работы, определены методы и принципы исследования, сформулированы элементы научной новизны и тезисы, выносимые на защиту, очерчена теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В *первой главе «Образы преступника и преступные сообщества в традиционных цивилизациях»* основной задачей стали философско-методологическое понимание специфики преступности и криминальных субкультур и реконструкция их эволюции в античности и Средневековье. Мы исходили из того факта, что преступность и криминальные субкультуры – весьма архаичный феномен.

В *первом параграфе* первой главы *«Философско-культурологическое понимание преступности и преступных субкультур»* на основе интерпретации классических текстов Аристотеля, Спинозы, Канта и Гегеля рассмотрены предпосылки философского понимания преступности и преступника.

В классической философии – от Платона и Аристотеля до Канта и Гегеля – мы встречаем вполне текстуальный дискурс о преступности в государстве и обществе, о причинах и видах преступлений, о личности преступника. Однако в комментаторской научной, историко-философской литературе философское понимание преступника и преступности чаще всего увязано с этическими представлениями тех или иных мыслителей, высказывавших компетентные суждения о преступлениях, преступнике и феномене преступности. В древности и даже в «рациональной» греческой античности мы наблюдаем синкретизм в бытовании и понимании «закона» и «преступления».

Именно этот синкретизм следует иметь в виду, когда мы обращаемся к интерпретации соответствующих текстов Аристотеля, который в «Никомаховой этике» и других текстах не даёт чёткого деления «проступка» и «преступления». Преступник (и «поступник»), по Аристотелю, подлежит суду в порядке «правосудности» и «неправосудности» (EN II 1105a15-20), и философ различает правосудность и неправосудность (EN III 1113a5-10). При таком подходе «преступником» будет тот, кто нарушает «меру» закона и действует «неправедно» и

«несправедливо», «неправосудно». Таким образом, если добродетель связана у Аристотеля в рамках частной правосудности с законопослушностью и следованием закону и справедливости, то преступность – с неправосудностью, то есть с нарушением закона (номоса) и справедливости. Преступник при таком толковании будет человеком неправосудным, нарушителем закона и справедливости.

В Новое время философами атакистический синкретизм в не различении права и морали частично начинает преодолевать Б. Спиноза, который связывает преступление со сферой государственной и гражданской жизни и вносит в его определение дискурс «естественного права». В «Критике практического разума» Кант утверждает, что преступником человек становится, когда нарушает практический закон. То есть нравственность? Здесь очевидно, что мыслитель всё ещё остаётся под чарами древнего морально-правового синкретизма, восходящего к Аристотелю. Интерес представляет его рассуждение о возможности «врождённых» преступников и о влиянии на преступность общества, «среды»: диалектика «врождённых» и «приобретённых», свободных свойств преступника, которая проявится позднее в спорах социальной и антропологической криминалистики (Ч. Ломброзо, Г. Тард, Э. Дюркгейм и другие). Но именно Кант близко подошёл к выделению права в особую сферу жизни человека – в сферу *гражданского общества* – и дал своеобразную классификацию преступлений, определяя их как «нарушение закона».

Следующий шаг в развитии философии преступника и преступности делает Г. Гегель в своей «Философии права», где он уже более чётко различает «право» и «неправо», определяя преступление как «неправо», и даёт абсолютное различие «права» и «морали». Государство и право он, безусловно, связывает с легитимным, законным насилием по отношению к преступающему закон. Интерес могут представлять для нас и суждения Гегеля для современных ему споров о правомерности смертной казни, об отличии правового наказания от древней мести. Гегель сделал громадный шаг в понимании преступности и преступника в их связи со сферой гражданского и уголовного права. В немецком философском идеализме мы подходим к тому пониманию преступления и преступника, которое его связывает исключительно с правовой сферой и нарушением правовых законов в сфере гражданского общества и правового государства.

Конкретизация проблематики происходит в середине XIX века в социологии и психологии преступности, криминологии. Ч. Ломброзо в книге «Преступный человек» (1876) утверждал, что предпосылки и причины преступности изначально кроются в индивидуальной «наследственной

природе» человека. Этой позиции изначально противостояло понимание мотивов преступника и причин совершения преступлений в рамках социологии преступления, исходившей из постулата общественной обусловленности преступлений (Г. Тард и Э. Дюркгейм).

Снять эту познавательную антиномию в определении преступника и преступности можно лишь в философском подходе, отрицающем абстрактное представление о преступнике и преступности и выясняющем то «особенное», которое в определении и делает диалектику «единичного и всеобщего» конкретно-всеобщим. Стоит обратить внимание на такой факт «особенного», что именно на рубеже XIX и XX веков возник феномен субкультурных сообществ (например, молодёжные банды «хулиганов»). На это указал уже Г. Тард в своей полемике с Ч. Ломброзо, описывая такие типичные «преступные корпорации» и криминальные субкультурные сообщества, как древняя каморра и итальянская мафия.

Современные исследования позволяют утверждать, что криминальные субкультуры являются специфическими сообществами, которые генерируют собственные *семиотические коды*, *знаково-символические репрезентации* (татуировки, жаргон и т.п.), *ментальные визуализации* (образы преступника), *псевдоэтические кодексы* («понятия») и *стили поведения*, *социальную память* (криминальный фольклор) и бессознательные, *архетипические практики* и систему отношений, что делает их консервативными, устойчивыми во времени и одновременно динамично развивающимися феноменами. Криминальная субкультура – особая архаическая *контркультура*, объединяющая людей, которые «преступают» определённую норму и закон, – зародилась на заре истории человечества в качестве одновременно «инстантной» (сиюминутной) и «константной» (постоянной) *антисистемы*.

Во *втором параграфе «Человек Древнего мира между героем и преступником»* отмечается, что Античность предлагает нам образ живого человека, бесконечно изменчивого в своих стремлениях и находящегося в борьбе с собой и миром, склонного и к преступлению, и к покаянию.

Здесь условной аллегорией и образом выступает личность Сизифа, *отрабатывающего* свои проступки. Особое действие, поступок и преступление в мифологии греков имеет вид подвига: *геройское преступление*, способное обессмертить, определяется величиной и масштабностью поступка. Преступление могло рассматриваться в древней истории как действие обратимое. Что касается самых тяжких преступлений, то для объяснения их используется воля богов и судьба. Но это вовсе не освобождает от ответственности гражданина греческого полиса, от мести богов или родственников жертвы (последнее случается в мифах гораздо

реже), преследований (например, богинями мести – Эриниями) или изгнания – одного из самых страшных видов наказания в греческой античной культуре. В некоторых мифологических сюжетах и богов, и даже саму смерть можно обмануть (герои превращаются в объекты, становятся бессмертными, выходят за пределы Аида и т.п.). Гражданин греческого полиса был обязан строго соблюдать законы и порядки (Номос).

Греческие мифы, сочинения античных драматургов и поэтов дают нам представление о преступлении в силу обстоятельств и рисуют образ *преступника-героя* (бога или человека – героя по рождению). Таковы, например, Прометей, похищающий огонь из благородных побуждений; Антигона, нарушившая запрет Креонта, но выполнившей родственный долг; Ясон похищающий руно (по некоторым версиям, убивший Апсирта); Одиссей, наказывающий женихов Пенелопы и т.д. Чувства вины и долга заменяют понятие грешности, возникшее в контексте иудео-христианского дискурса (вина – чувство более преходящее), а этические принципы дают свободу выбора.

При этом возникает вопрос: почему в греческой картине мира какие-либо преступления могли оправдываться или равнять подвигу? Частично, на этот вопрос можно найти ответ в работах М.К. Петрова, оригинально описавшего античную культуру, которая в его интерпретации аллегорически и буквально «шагнула с корабля» в историю. Сложно недооценивать влияние моря, морского побережья и морских путешествий на развитие греческих полисов. М.К. Петров указывает на то, что греческая культура родилась на пиратском корабле, и, следовательно, морские приключения, грабежи и нападения изначально принимались греками как само собой разумеющиеся, если они были обращены в сторону врагов, варваров, чужеземцев. Здесь «договор» возникает между бывшими пиратами. Возможно, именно так зарождается *клановый, выстроенный по типу родственных отношений характер организованной группы, преследующей преступные интересы – прообраз преступной субкультуры*.

Номос упорядочивал жизнь полиса, но действует ли он за пределами последнего? Поскольку греки противопоставляли себя всему остальному – варварскому – миру, находящемуся где-то за пределами полиса, для античного мировоззрения важной деталью насилия (и преступления) остаётся граница, территория, место преступления, которое определяет, осуществилось ли насилие умышленно или случайно, совершено оно в качестве самообороны или нападения.

В раннем греческом театре преступления и злодеяния «совершались» по ходу представления скрыто от глаз зрителя – в особой комнате, но не за

пределами её. Для сравнения: римский театр тяготеет к зрелищным представлениям, крови (пусть даже и крови животных), открытому насилию на сцене. Возможно, в греческом театре присутствует также этический мотив «сокрытия» насилия. Боги представляют собой *этические принципы*: хотя преступления совершали и они, но внутри человека есть природная нравственность, этос. Порицается преступление в священном месте, например в храме (миф о Локрийских девах и Кассандре). Мы видим, что в Античности ещё нет развитого, развёрнутого представления о грехе: жертвенность, жизнь и смерть – вещи священные, сакральные, а преступление – нарушение сакрального.

Богобоязненность греков, их вера в судьбу, случайность, predetermined роком, не могли способствовать укреплению выраженной, противопоставленной обществу криминальной субкультуры. Индивид не мыслил себя вне социума, и, перейдя в криминальную субкультуру, он сознательно изгнал бы себя сам от людей. Для древнего человека принадлежность обществу означала принадлежность человеческому, уход от людей возрождал в индивиде животное начало. Преступление могло приписываться несчастной судьбе человека, но вместе с тем и наказание было неотвратимо. В греческом Пантеоне богов и героев есть место и для богинь: наказующей Немезиды, справедливой Фемиды и Эриний, неотступно преследующим убийц и несущих безумие (например, обезумевшая от ревности Медея).

С другой стороны, вхождение в криминальную субкультуру, как и во всякую другую, есть *практика объединения себя с какой-то общностью*. Значит, криминальная субкультура способствует преодолению изгнания из «большого» общества. Таким образом, ключевое понятие для определения принадлежности к криминальной субкультуре в античности (и в целом в любой другой древности) – *изгнание*. В древних обществах существовала и воображаемая *грань тяжести преступления*, за которую переступать уже совсем нельзя (даже преступнику нежелательно это делать), когда роли преступника и палача или судьи предельно похожи друг на друга. Мы видим, что *наказание преступника изгнанием – древнейший ритуал и протосудебная практика*.

Попытка окончательной расправы с криминалом предполагала далеко идущие последствия: усложнение ритуала снятия «скверны» или «сакральности», что требовало дополнительных культурных ресурсов. Общество, делегируя момент «повторной инкультурации» преступника теперь уже в криминальную субкультуру, частично снимало с себя сложную обязанность контроля. Здесь парадоксальным моментом выступает то

обстоятельство, что контролировать преступную группу легче, чем периодически затаивавшихся и что-то задумывающих преступников-одиночек.

В третьем параграфе **«Образы преступника и преступные субкультуры Средневековья»** частично восполнен научный пробел в описании и реконструкции образов преступника, преступности и криминальной субкультуры западноевропейского и русского Средневековья

Средневековая цивилизация в своих истоках имела насилие и преступления, которые носили поистине драматический характер. Сверхнасилие и чрезмерные жертвы определили ту метатрагедию, которую средневековый европеец, вероятно, полностью и не осознавал, так как общественное сознание порой просто притуплялось, когда преступная круговерть несколько замедлялась. Насилие настолько становилось привычным, что понятие «преступление» заменяется и затмевается понятием «грех», а развитие религиозных представлений опережает развитие юридического закона.

Восприятие преступности средневековыми европейцами настолько несовершенно, что их и не посещала идея рассматривать криминал как отдельное организованное сообщество (например, внутри городской культуры). Попытки влиять на преступления включали в себя ужесточение наказаний, процедуры преследования преступников и ведение следствия (можно вспомнить *Constitutio Criminalis Carolina* – «Каролину», т.е. уголовно-судебное уложение Священной Римской империи), но вряд ли касались изменения каких-либо социокультурных факторов. Преступником в условиях распространённого насилия (в том числе и легитимного) мог оказаться каждый.

Главными социальными критериями, регулирующими всё отношение к криминалу и преступлению, зачастую были не только тяжесть преступления, но и статус, происхождение преступника и культурные традиции отношения к преступлению, закреплённые в библейских текстах. Личность жертвы не изучалась и не рассматривалась. Целью некоторых законов было защитить привилегированные слои населения – ведь именно такие люди обладали материальным имуществом, иногда значительным. Такую ситуацию можно назвать «юридической близорукостью», совершенным незнанием криминальной субкультуры.

В наибольшей степени криминальную субкультуру в средние века, как и в последующие, отличает многоплановая *амбивалентность*. Во-первых, преступником мог быть как исключительно бедный, опустившийся человек (например, среди крестьян могло быть широко распространено

браконьерство), так и властный, богатый феодал. Во-вторых, трактовка преступления и личности преступника в народном, фольклорном и авторском, литературном творчестве резко отличалась от реальности и христианского дискурса. В-третьих, образ преступника средних веков сочетал в себе и насилие и жертвенность. Можно сказать, что перед нами преступник-жертва, преступник-грешник («больной» грехом человек). Преступление в средние века – это болезнь, одержимость грехом. Преступника необходимо лечить, и прежде всего – его душу. У церкви для этого существуют разные методы, иногда довольно жестокие. И священник аналогичен врачу, когда назначает цену отпущения грехов.

Для нас важно, что в средние века преступник стоял рядом с человеком больным, безумным или прокаженным, которому вход в общество может быть закрыт. В эти времена криминальная субкультура становится всё более *закрытым образованием*. Преступник Средневековья как будто сам покидает общество, поскольку общественная жизнь таила как опасность разоблачения, так и преследования. Вместе с ростом городов в позднем Средневековье криминальная субкультура укрепляет свои позиции: растёт проблема городской преступности, а криминальная субкультура обретает профессиональную специализацию. Можно отметить, что человечество сталкивается с феноменом (обозначим его метафорически) «насилия на пороге», «преступности, заглядывающей в окна». Скорее следует говорить, что криминал оказался неожиданно *предельно близко от повседневной жизни обычного человека*, окончательно вошёл как полноценный элемент в структуру общества, в ткань европейской культуры. Маргинальные слои населения могли обратиться к преступному образу жизни, и к такой группе населения можно отнести бродячих актёров, гистрионов, жонглеров, игроков, вагантов, скоморохов и т.п.

Для преступника существовал риск оказаться жертвой «*кровной мести*» родственников того человека, который потерпел оскорбление, убыток или расстался с жизнью (Монтекки и Капулетти – зафиксированный Шекспиром пережиток). Двойственное отношение к преступнику, который выступал в некоторых ситуациях жертвой, могло быть подготовлено в сознании средневекового европейца допущениями христианской идеологии. Ещё одним отличительным моментом криминальной субкультуры и восприятие её обществом является отношение к визуальному проявлению насилия: средневековый человек оказывался нечувствительным к изображению и реальному лицемерию мучений и страдания. Одно из главных чувств человека Средневековья – подозрение (обратная сторона веры и наивности): любой человек мог подозреваться в грехе и

преступлениях. Средневековый социум хотел чувствовать уверенность в искоренении зла, и публичные казни обладали эффектом катарсиса.

Во *второй главе «Преступник и преступные субкультуры в индустриальной цивилизации»* исследована культурно-историческая эволюция феноменов преступника, преступности и криминальных субкультур в классической индустриальной цивилизации Европы Нового времени, в постиндустриальном обществе и культуре постмодерна.

В *первом параграфе «Образы преступника и криминальные субкультуры в Новое время»* показано, что эпоха Возрождения и Реформации, как переходная к капитализму и индустриальным способам производства, существенно не меняет самого преступника и преступную субкультуру, однако трансформирует представление о них (образы массового сознания и произведений искусства, философские концепты).

Литература эпохи Возрождения (итальянская, испанская, французская, английская) полна образов деятельных, смелых и весёлых людей с упорным характером, которые позволяют себе ради выгоды хитрить и обманывать, лгать и выкручиваться, насмехаться и оскорблять, оставаясь при своём «интересе». Вера в человека, гуманистические принципы, обращение ко всему естественному не могли способствовать полному искоренению преступности и парадоксальным образом укрепляли криминальную субкультуру в её традициях и ценностях. Последовавшая Реформация фактически предваряет практичного европейца, предпринимателя и трудящегося, обращённого к труду, обретающего капитал и заработок, т.е. материальные блага человека. Преступность, всегда и прежде всего ориентированная на материальные блага и денежный капитал, не могла рассеяться в этих веках и скорее аккумулирует свои возможности, интуитивно готовясь существовать в развитом индустриальном обществе.

В связи с зарождением в Европе буржуазии большое распространение получают преступления, связанные с финансовой сферой. Криминальная субкультура выходит на «международный уровень», а криминалитет учится сотрудничеству. Ряд европейских государств были заинтересованы в усилении криминальной субкультуры, поскольку видели в ней средство конкурентной экономической борьбы, а в ряде случаев – способ военного противостояния, особенно в связи с процветанием пиратства. С другой стороны, пиратство, сухопутное и морское, можно рассматривать как отдельную субкультуру. Деятельность пиратов (викинги, флибустьеры, корсары, казаки и т.п.) стимулируется наличием новых территорий и морских путей, открытых европейцами в XV-XVII веках. Распространение

криминальной и маргинальной субкультур авантюристов на новых территориях во многом и определяло развитие исторических событий.

Криминальные сообщества этого периода лучше организованы, чем в античности или средневековье, о чём свидетельствует общий капитал, используемый всеми членами группы по необходимости (вот истоки и русского «общака»). Доходы пиратов строго распределялись в соответствии с функциями и статусом каждого. На основе пиратского «общака» приобреталось всё необходимое для криминального мастерства, действовала «социальная система» помощи пиратам-калекам. Пиратский «профсоюз» скреплялся присягой, а группа существовала на основе равенства и общих обсуждений различных вопросов. В криминальной культуре одобряется большая свобода, «дух странствий и приключений»; авантюризм и следование «дорогами судьбы», т.е. закладывается ещё один архетип («вольная жизнь») социокода современных преступных субкультур.

Эпоха рождает великолепные произведения мировой литературы: писатели, поэты и драматурги Возрождения и Реформации предлагают своим читателям образы преступников и авантюристов – и теперь такой субъект может обладать не только внутренней свободой в своих мыслях и поступках, но и личным обаянием. Таковы герои произведений Дж. Бокаччо, Т. де Молина, Н. Макиавелли, М. Сервантеса, У. Шекспира. Литература и массовое сознание этого периода рождает и образ преступника-разбойника, и преступника-авантюриста, и преступника-бродяги, и искателя приключений. Дон Кихот завершал галерею этих образов в гротескной и сатирической форме. Эпоха «первичного накопления капитала» окончательно консервирует образ авантюриста, способного впасть в преступления, ведь для того чтобы владеть капиталом нужны и риск, и решительность, и способность пожертвовать многим, и удача (фарт), которые также потом войдут в социокоды поздних криминальных субкультур.

Наиболее крупные экономико-политические режимы, характеризующие всё развитие общества в Новое и «новейшее» время (с XVII по XX век) – это капитализм и социализм (государственный капитализм на деле), как различные формы индустриальной цивилизации. Работы К. Маркса, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, живших в это время, позволяют проследить развитие криминальной субкультуры, преступности и общественную реакцию на неё в условиях культурного развития Европы при всех этих политико-экономических трансформациях. Отечественная рефлексия проблем преступности в этот период проявляется не выпуском философских трактатов, а более литературными произведениями Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя и Н.С. Лескова, А.П. Чехова

и А.М. Горького, ставших мировой классикой. Следует вспомнить также общественную и литературную деятельность А.Ф. Кони и других юристов-практиков.

Криминальная субкультура структурно укрепляется, обнаруживая сложную иерархию. Происходит *феминизация криминальных кругов*, то есть, увеличение доли женщин, связанных с преступностью и возрастающее их влияние в преступном мире: можно вспомнить, например феномен Софьи Блювштейн, знаменитой Соньки Золотой Ручки, образ которой привлёк внимание А.П. Чехова в его знаменитом «Острове Сахалине», воплощён до революции в немом кинофильме «Сонька – Золотая ручка», уже в наши дни воспроизведён постсоветским кинематографом (режиссёром В. Мережко в одноимённом сериале) и в розовых романтических тонах современной российской попсой криминального уклона.

В советском обществе, где будто бы была изжита классовая система, но сохранялась социальная иерархия и социальная несправедливость, преступления также происходили, но идеология преподносила их сознанию обывателя в качестве исключительного случая, нонсенса, якобы выходящего за рамки общепринятых норм. Уверенность в победе над криминалом, в постоянном контроле над маргинальными лицами, восприятие существующей действительности как стабильной и нравственно правильной, повлекло за собой ряд отечественных кинокомедий, сатирически освещающих криминальную субкультуру («Самогонщики», «Пёс Барбос и необычный кросс», «Джентльмены удачи», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Операция «Ы» другие приключения Шурика», «Кавказская пленница» и т.д.) Некоторые отечественные киноленты затрагивали глубинные социальные проблемы, связанные с адаптацией «запятнанного» человека в обществе («Дело Румянцева», «Калина красная», «Вокзал для двоих», «Джентльмены удачи»). Причину преступлений советское общество искало в недостаточной культуре и воспитании отдельных личностей, в возможной педагогической запущенности и ошибках семьи. Парадоксальным явлением в истории правовой культуры СССР оказалось то, что именно в местах лишения свободы, предполагающих труд и коллективность, криминальная субкультуры (и тюремная, как её ядро) совершенствовалась: перенимался преступный опыт, нарастал цинизм отдельной личности, утверждалась преступная иерархия.

Наиболее масштабный и малозаметный процесс, который сопровождал развитие криминальной субкультуры в XX веке (будь то криминалитет буржуазного или социалистического общества) – это процесс

интеллектуализации преступных кругов. Постепенно от бунтарского сознания преступные круги осуществляли переход к новому мышлению, характеризующемуся утончённой интеллектуальностью, высоким профессионализмом, чутьём, собранностью мыслей. Образно говоря, криминалитет избавился от лохмотьев и обрёл вполне благопристойный вид – внешность одного из самых благополучных, процветающих классов во всём мире. Настоящим бичом современных государств и организаций, расположенных на разных материках, является та или иная степень коррумпированности власти и элиты. Следовательно, ни политический режим, ни экономическая система не оказывают существенного влияния на искоренение преступности, могут не влиять на характер преступления, но лишь отражаются в культурных репрезентациях преступности в обществе.

Во *втором параграфе «Преступления и криминальные субкультуры в позднем индустриализме»* рассмотрены образы преступности и специфика криминальных субкультур в обществе позднего индустриализма (постиндустриализма) и культурного постмодерна.

Одним из постмодернистских авторов, кто провёл анализ состояния криминальности в эпоху постмодерна, был М. Фуко, который дал яркие описания как преступления, действия, затрагивающего властителя, и антропологии маргиналов (криминала и сумасшедших), так и образа интеллектуалов и его противоречий в отношениях с обществом и властью.

В позднем капитализме и постмодерне криминальная субкультура меняет ценностную систему и вектор развития, европеец в XX веке ценность свободы часто заменяет ценностью власти, пусть и криминальной. Почему же свобода не является ценностью в эпоху модерна и особенно постмодерна для криминальных кругов? Вероятно, сама идея принадлежности к преступным кругам заставляет отказаться от этой ценности, подчиняя свою жизнь криминальным авторитетам. С другой стороны, в современном обществе по-прежнему отсутствуют действенные механизмы «привыкания к свободе» для тех людей, которые отбыли срок в местах заключения. Кроме этого, в обществе потребления увеличивается ценность меркантильных интересов, для реализации которых желательно обладать властью.

Другие трансформации, которые очевидно переживает современная криминальная субкультура – это интерес к вере. Символы веры успешно интегрируются в репрезентации криминальной субкультуры (например, изображение ангелов, икон, крестов на теле осужденных в виде татуировок). Сочетание веры, религиозности и готовности идти на преступление присутствует и в сознании представителей криминальных кругов на Западе, что отражается в кинематографе: «Монахини в бегах» (1990,

Великобритания), «Криминальное чтиво» (США, 1994), «Убить Билла» (США, 2003-2004), фильмы об итальянской мафии.

Конец XX и начало XXI веков отмечены таким социальным явлением как крупная организованная преступность, имеющая *транснациональный* характер (реализация идеи власти в руках криминалитета). По некоторым не слишком явным причинам криминальная субкультура организуется в виде псевдосемейного клана. Распространяется понятие «мафия», репрезентация которого в пространстве массовой культуры носит романтизированный и лирический характер. Криминал конца XX века постоянно делил сферы влияния и боролся за право на власть между собой. Криминальная субкультура оказалась «вычищенной» естественным путём от культурного опыта прошлого, но стала от этого ещё более циничной, мало управляемой даже для самих преступных кругов.

Отличительная черта современной мировой криминальной субкультуры – это способность действовать профессионально, максимально собранно, сообщая, предоставляя защиту и содействие всем представителям криминалитета. Такая серьёзная преступная организация находит свою репрезентацию в популярном кино, где главари различных банд (иногда, реально существующих) выступают главными персонажами сюжета, показаны людьми, положительными по своим личным качествам. Криминальная тема прочно входит, как лейтмотив, во многие произведения и тексты современной массовой культуры, следовательно, можно говорить о диалоге между преступной субкультурой и остальным обществом.

Яркое отличие индустриального и постиндустриального общества друг от друга заключается в отношении к криминалу. Индустриальное общество, стремясь отгородиться от негативного влияния криминальной субкультуры, лишь интуитивно осознаёт, что последняя неизменно входит в общественную жизнь, присутствует в доминирующей культуре и полноценно представлена в социуме. В постиндустриальном обществе отношение к преступлению и преступности изменяется. Американский кинематограф (фильмы К. Тарантино стали классикой постмодернистского кино) доказал, что преступление постмодерна и постиндустриализма может быть средним, «сереньким», непримечательным событием, когда уровень насилия превышает все нормы (если нормы насилия вообще могут быть установлены). Таким образом, постиндустриальное общество, хотя и совершает борьбу с криминалом, лишено иллюзии о том, что криминал можно выделить из остального социума, а уж тем более – окончательно победить. Безусловно, такую ситуацию рождает не только естественный рост преступности во всём мире, но и проникновение криминала во все сферы

жизни постиндустриального общества, что порождает новую иллюзию – с криминальной субкультурой будто бы возможно совладать при помощи капитала (хорошего финансирования различных социальных программ, силовых структур и т.д.). Эта иллюзия не лишена смысла, но прямой или обратной корреляции криминала и капитала нет: ведь в таком случае все страны с высоким уровнем жизни могли бы отметить значительное снижение уровня преступности.

Криминальная субкультура постмодерна и общества потребления сконцентрирована на преступлениях, связанных с обманом, торговлей, незаконным завладением материальных ценностей и симуляцией: симуляция как тотальная семиотизация бытия; симуляционная коррупционная субкультура (гибрид бюрократии и криминала). Широкое распространение получили такие виды криминальной деятельности, как организация «чёрных» рынков, производство и торговля оружием, наркотиками, суррогатными товарами (контрафактными изделиями), запрещённой литературой, порнографией, незаконно распространяемыми и уничтожаемыми природными ресурсами, радиоактивными элементами, человеческими органами и людьми (рабство, проституция), ценной информацией, поддельными документами, редкими видами животных, «пиратской продукцией», произведениями искусства.

Обществом обыденно и даже равнодушно воспринимаются такие преступления и административные нарушения, как скрытое перераспределение доходов, уклонение от уплаты налогов, ложные банкротства, взяточничество, вымогательство, шантаж, рэкет, получение кредитования обманным путём, незаконное предпринимательство, уклонение от уплаты алиментов, эксплуатация работника с нарушением основ трудового законодательства, труд несовершеннолетних, нарушение патентных прав, ложная реклама, кражи и разбои, содержание притонов. На почве незаконного или некорректного производства, происходят экологические преступления, загрязняется окружающая среда (экоцид).

Возможно, что именно в последнее время криминальная субкультура ощутила, что теряет «преемственность поколений» и традиции: достаточно часто можно услышать мнение бывших заключённых, что молодые преступники не уважают «понятий». Поэтому феномен смены криминальных «понятий» можно отследить на образах постсоветского кинематографа на рубеже столетий, а также в том, что криминал начинает использовать социальные сети для самовоспроизводства и «смены поколений» (возникновение криминальных субкультур в Интернете типа АУЕ).

В заключении подводятся итоги проделанной работы, суммируются результаты теоретического и практического исследования, а также указывается на возникшие трудности и очерчивается поле для дальнейших исследований.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

***Статьи в журналах, рекомендованных ВАК
при Министерстве науки и высшего образования РФ***

1. Интеллектуальная и преступная субкультура модерна: между знанием и тюрьмой // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». — № 14 (211). Вып. 33. — Белгород, 2015. — С. 67-76 (в соавт.)

2. Тёмный человек мрачного тысячелетия: образ преступника европейского Средневековья // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». — № 20 (217). Вып. 34. — Белгород, 2015. — С. 133-141.

3. Философско-культурологическое понимание преступности и преступных субкультур // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». — № 3 (224). Вып. 35. — Белгород, 2016. — С. 169-173.

Публикации в других научных журналах и сборниках

4. Преступные субкультуры: к постановке проблемы // Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире: материалы VI Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 14 апр. 2011 г. / Под ред. В.П.Римского и др. — Белгород: ИД «Белгород», 2012. — С. 46-48.

5. Феномены свободы, насилия и терроризма в истории культуры и философии // Философия и наука поверх барьеров: Свобода и творчество в современном мире: материалы VII Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 16 апр. 2012 г. / Под ред. В.П. Римского и др. — Белгород: ИД «Белгород», 2013. — С. 6-8. (в соавт.)

6. Контркультурные и субкультурные практики ухода // Философия и наука поверх барьеров: Социально-антропологический кризис современной культуры: материалы VIII Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов, г. Белгород 13 апр. 2013 г. / Под ред. В.П. Римского и др. — Белгород: ИД «Белгород», 2014. — С. 13-14. (в соавт.)

7. Криминальная субкультура и образы преступника в развитии европейской цивилизации: Архаика и древний мир // Наука. Искусство. Культура. — №4 (8). — Белгород, 2015. — С. 168-174. (в соавт.)

8. Практики взаимодействия субкультур (коллективная монография) / С.Н. Борисов, Т.Ю. Вереитинова, Э.Н. Гущин, М.В. Новак и др. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. — 224 с. (в соавт.)

9. Социокоды преступной субкультуры // Наследие М.К. Петрова: философия, культурология, науковедение, регионалистика: сб. научных статей / под ред. А.Н. Ерыгина, В.П. Римского, М.А. Дидык и др. — Белгород: ИПК БГИИК, 2016. — С. 284-288.

10. Преступления и криминальная субкультура в позднем индустриализме // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.) : в 4 т. / Отв. ред. С.Н. Борисов. – Белгород: ИПК БГИИК, 2016. – Т. 1. – С. 226-231.

11. Криминальная и интеллектуальная субкультуры в эпоху модерна и постмодерна // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции. 21 апреля 2017 года / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Т.Э. Рагозина. – Донецк: Социально-гуманитарный институт ГОУВПО «ДонНТУ», ГОВПО «ДонНУЭТ», 2017. – 402 с. – С. 379-382.

12. Классическая философия о преступнике и преступности // Наука. Искусство. Культура. – Выпуск 1 (21). – Белгород, 2019. – С. 136-142.